

АГАМАЛИ К. МАМЕДОВ

В ГОРОДЕ ВСЕ СПОКОЙНО

Пьеса в 6 действиях

Москва- 2010

Действующие лица:

Директор клиники «Забота» доктор Рорти

Профессор

Мэр города

Шеф полиции

Сержант

Известный юрист доктор Савон

Студент-анархист

Поэтесса-эколог

Первый советник

Второй советник

Первая медсестра

Вторая медсестра

Повар

Уборщица

Вдова Отца нации

Секретарь Анни

Действие 1.

Кабинет мэра. Помпезный кабинет в стиле буржуа. Висит портрет Отца нации в военной форме. Мэр (красивый породистый мужчина лет 45-ти) расхаживает по кабинету, довольный своим отражением в зеркале.

Звонит телефон.

Мэр: Я говорил, Анни, меня ни для кого нет, я готовлюсь к важной встрече. Все подождут.

Голос Анни по телефону: Прошу прощения, господин мэр, но дело весьма серьезное, требует Вашего участия. Причем, непременно Вашего и немедленного.

Мэр: Что, более серьезное, чем приезд Вдовы? Вы настаиваете, Анни?

Анни (входит): Нет, конечно, простите, но в городе ЧП.

Мэр: Какое еще ЧП? Демонстрация, торнадо, теракт? Голубушка, говорите яснее и быстрее.

Анни: Больные в клинике «Забота» забаррикадировались в отсеке «С». К тому же еще взяли заложников. Пока без требований.

Мэр: Чёрт-те что! Всех срочно ко мне!

Анни: Они уже все в приемной.

Мэр: Так пусть заходят! Что там им с Вами решать? Они забыли дорогу в кабинет?!

Входят советники, директор клиники, шеф полиции.

Мэр: Ну что? Кто доложит?

Шеф полиции: Здесь присутствует директор, он, я так думаю, и должен прояснять обстановку.

Доктор Рорти: Понимаете, клиника эта не совсем обычная и ее нахождение в городе...

Мэр: Стоп. Мы хотим знать, не где клинике надо находиться, а что там произошло. Что за заложники? Кто их захватил?

Шеф полиции (*встает*): Я все понял. Сегодня в 12:30, больные.

Доктор Рорти: Они не совсем больные в привычном смысле слова. Иначе нам будет непонятной картина.

Шеф полиции: Я продолжаю, больные, воспользовавшись бездействием администрации клиники «Забота», забаррикадировались в отсеке «С», захватив заложников.

Мэр: Сколько? Сколько больных и заложников? Мне что, все переспрашивать? Есть ли полная картина?

Доктор Рорти: Пять пациентов и четыре заложника. Это работники кухни и две медсестры.

Мэр (*с ухмылкой*): Пожалуй, я соглашусь с вами, доктор. Люди, которые запираются вместе с пищей, не могут быть больными. Весьма недурно для больных.

Доктор Рорти: Дело в том, что сектор «С» примыкает к кухне и выходит к дороге.

Мэр: И что это значит?

Шеф полиции: Дело в том, что директор уже ищет виновных. Да, мы решили запаять все окна в клинике, которые выходят на главную дорогу – проспект Нации. Так требует инструкция. Безопасность Вдовы не обсуждается. И вообще, там иногда кричат, плачут. Что же именитые гости, иностранцы подумают о нашем городе?

Мэр: я не понял. Окна выходят на проспект Нации, и вы их решили заварить. Так, а в чем проблема?

Шеф полиции (*ухмыляясь*): А вот больные недовольны, вот и устроили бунт.

Мэр: Да, это серьезно. Конечно, (*с иронией*) надо было больных спросить об этом. Посоветоваться. А может, и к нам пригласить.

Доктор Рорти (*запинаясь*): Понимаете...Ой, извините, опять. Они ведь не осужденные, и для них открытые форточки - некий символ, связь с прошлой жизнью, куда они хотят вернуться.

Первый советник: А можно там просто навести порядок? И сколько времени это потребует?

Доктор Рорти: Тихо и без кровопролития вряд ли это удастся. Они захватили у рабочих всё оборудование и завалили выход изнутри. Там газовые котлы, печи – всё непросто. Старое прочное здание. Не ваши новоделы.

Мэр: Еще раз убеждаюсь в том, как вы, доктор, так замечательно подобрали больных в этом отсеке. И персонал очень квалифицированный.

Доктор Рорти: Но часть больных определена туда решением городского суда. И я никого персонально туда (*с нажимом*) не подбирал.

Первый советник: Ладно, ладно. Не кипятитесь. Лучше посоветуйте, что нам делать? Скоро открытие памятника, впервые приезжает Вдова, а у нас... А впрочем, что у нас? У нас все хорошо. Мы обнесем все большим забором или рекламным щитом, и никто ничего не узнает. Не впервой.

Шеф полиции: Поздно. Журналисты уже разнюхали. Они ждут нашей реакции, и с ними уже этот, как его, Ковач-вездесущий.

Первый советник: Господи, как же он достал. Ну, неужели нет на него, скажем так, мер воздействия?

Мэр: Вы мне об этом говорите? Кто просил меня создать Фонд развития национальной прессы, где все будут под контролем? Я его создал. И что мы видим? Кто просил его включить в номинацию «Национальный обозреватель» и дать ему, чтоб он подавился, солидную денежную премию? Кто?

Второй советник: Давайте не будем все нервничать, у нас куча более приятных забот. А раз первый советник отвечает за прессу, то пусть он за нее и отвечает. Пока лишь обозначим меру ответственности каждого.

Первый советник: Хорошо, полностью с Вами согласен, потом выясним, кто отвечает за национальную безопасность, за визит Вдовы.

Мэр: Хватит. Хватит. Так, доктор, вы хотите сказать, что без шума все перевернуть не удастся? Жаль. Очень жаль. Раньше мы были смелее. Да и вы тоже.

Доктор Рорти: Я хотел бы рассказать обо всех поподробнее.

Мэр: К чёрту подробности. Основное. Кто зачинщик? Где их родственники? И, главное, что они хотят? И хотят ли вообще они что-нибудь, учитывая, что они... ну, как бы не совсем обычные люди?

Шеф полиции: Могут ли они организовать сопротивление? Не уверен. Я думаю, десять моих бойцов спокойно решат эту проблему. А Вы только оградите их от прессы. Развяжите нам руки.

Первый советник: Я думаю, надо сделать тоньше. Вокруг них создать зону молчания. Их как бы нет, и вообще ничего нет и не было. Сектором «С» назвать другой блок, переименовать все, и, когда журналисты увидят, что там тишина и покой, а мы это сделаем, может, и сама Вдова посетит больных. А потом-то мы разберемся, мы обязательно разберемся. Но потом.

Мэр: Гениально. Так, еще какие предложения? Нужны все возможные варианты, отходные пути. Вариант «Б» наконец.

Шеф полиции: Может, перед приездом поймать террориста какого-нибудь? Провести показательное учение. Парад сил Национальной Гвардии.

Мэр: Все это уже было. И не раз. Опять все свалить на них. А о террористе даже и не думайте. Вдова просто откажется приезжать. И все!

Первый советник: Господи, ну почему закончился футбол? Слушайте, а если поговорить с какими-то фондами, желательно зарубежными, и нашему жителю: врачу, учителю, только не журналисту, - вручат какой-нибудь Пурпурный пояс за выдающийся вклад в развитие...

Мэр: Да, но только стоит им что-то вручить, как через год они начинают сами верить в свою исключительность. Вспомните ту поэтессу, которая потом...

Доктор Рорти: Кстати, она тоже среди этих бунтарей.

Второй советник: Вот она, неблагодарность. Я ее сам возил в Париж. Договаривался с издателями, публиковал ее всюду, делал из нее Поэта. А она потом всю премию перевела в Экологические фонды, а мы как бы не при чем.

Мэр: Да, не выдержала испытание славой, вот и поехала крыша. Все ей химикаты какие-то мерещились. И эти, а вспомнил, полигоны с отходами. Так что хватит нам зарубежных премий. Всем задание - думать. Что, кроме схемы молчания, мы можем предложить? Штурм? Подкуп? Кстати, расскажите, доктор, о них, неужели мы не можем их задобрить? А вы, полковник, срочно ищите их родственников. Ничто не трогает сердце больного, как весточка от родных. Посылочка, звоночек, фотография. Хм, особенно с пистолетом у виска.

Доктор Рорти: Ну, знакомая Вам всем поэт Софи, активный эколог. Направлена судом на принудительное лечение. Такая, Вы знаете, бунтарка. Главное - была всегда против: мы ей предлагали войти в национальный союз женщин - нет, она хочет быть против всех и быть одной. Такая, знаете, Жанна Д'Арк. Трибун.

Мэр: Ладно. Поможем ей с трибуной, найдем аудиторию для нее. Дальше.

Доктор Рорти: Молодой студент-радикал. Исключен из Национального университета за анархизм, постоянно кем-то увлечен: то Че Геварой, то Мао...

Шеф полиции: Помню, помню его. Всё хотел то установить студенческий контроль над средствами Национального университета, то не пускать полицейских в общежитие. Он-то вряд ли окажет физическое сопротивление. Его несколько раз на улице хулиганы избивали крепко, он это запомнил. И надолго. Вряд ли захочет еще.

Доктор Рорти (деланно): Ох, уж эти хулиганы. Ну, так, если позволите, я перейду к остальным, так сказать, бунтарям. Так, наша звезда TV-юрист...

Первый советник: Бывшая звезда. Уже три года, кажется, он звездит у Вас.

Доктор Рорти: Хорошо, другая наша звезда – доктор Савон.

Мэр: Ну, а ему что надо было? Имел кабинет, устойчивый доход, даже профсоюз возглавлял. И что? Теперь лечится?

Доктор Рорти: Он и в клинике всех принимал, к нему обращались письменно, так он их заочно и консультировал. Набирал себе клиентуру. Наверное, на будущее (*общее хихикание*).

Второй советник: Распустили вы их, доктор. Может, им еще и интернет провести, скайп поставить? Жалко же их. Бе-ее-дненькие!

Доктор Рорти: Да-да. Я об этом тоже ставил вопрос. Ведь они не должны...

Мэр: Хватит! Вы с данной ситуацией хоть разберитесь. Тоже мне, романтики сыскались. Компьютеры? Вот приедет спецгруппа из самой столицы охранять визит Вдовы – будут Вам и компьютеры, и скайпы. Они (*кричит*) таких компьютеров нам поставят, что Вам лучше об этом даже не заикаться. Компьютеры, понимаешь ли. Санаторий тут устроили. У нас не во всех школах они есть. Вы о нормальных людях думали когда -либо?

Шеф полиции: Поэтому мы и здесь. Так как должны все решить сами. Неужто у нас у самих сил нет навести элементарный порядок в своем родном городе? Вы гарантируйте мне свободу рук. И будет результат.

Мэр: Гарантирую.

Шеф полиции: Письменно, в форме приказа. И мои бойцы...

Доктор Рорти: Да, подождите ж, с ними еще Сержант.

Первый советник: Как? Сержант с ними?

Доктор Рорти: Да, я об этом хочу всем сказать уже который раз, с ними Сержант и профессор. Да еще заложники. Так что, дорогой шеф полиции, даже и не думайте о свободе рук. Они у нас связаны.

Действие 2.

Большая кухня. У раздаточного стола сидят медсестры, повар и уборщица. Около окон прохаживаются «бунтари». Посередине стоит Профессор (мужчина лет пятидесяти пяти).

Профессор: Ну, так. Раз судьбой нам начертано быть вместе хотя бы несколько дней, давайте поговорим. Я профессор Национального университета, теперь, правда, уже бывший. Хотя, не знаю, бывает ли бывший профессор? Самое удивительное, я специалист по Древней Персии и перевел несколько древних текстов о тиранах. Власть решила, что я так специально вложил в уста древних свои политические требования, а так как других специалистов нет, то не было экспертов ни за, ни против. Сажать нельзя, но лечить надо. И вот я здесь.

Сержант (крепкий, бритый мужчина): Я вообще-то капитан парашютных войск. Всю жизнь только и делал, что воевал. За это и прозвали меня Сержантом. Хотя уже давно офицер. И как-то, после очередной операции, не подумав, вслух поделился сомнениями, о том, надо ли так жестко подавлять крестьянские бунты? Ведь я сам из деревни, да и солдаты,

в основном, не из столицы. Короче, меня не поняли. Судить нельзя, мне недавно дали орден «Отца нации», - значит, надо лечить. Целый год пичкали меня всякими пилюлями, а я все равно плохо сплю. И снятся мне усмиренные деревни. Врачам я об этом не говорю, чтоб мне полностью не угробили память, но жить с этим тоже тошно. Все хочу искупить вину. Но не знаю как.

Первая медсестра: Да, мы видели, как вы убрали всю охрану, явно искупили при этом вину. Как-то вы мало похожи на кающихся грешников. Не тот типаж.

Студент-радикал: Так, кто у нас запел (*хватает ее за шею*)? Может, напомнить Вам, кто делал нам уколы, кто нас связывал, кто чуть что звал санитаров? Не вы ли, милая?

Вторая медсестра: У нас работа такая.

Студент-радикал: А что ж вы в первых рядах оказались? Понимаю – работа. Но усердие ваше говорит, что вам она, работа эта... (*шепотом*) нравится. Всем очень нравится истязать людей. Вот так. Все очень просто. Маленькая, невзрачная девчонка – и вдруг получает власть. Хоть над больными, хоть над беззащитными, но власть! И ей это нравится. Причем очень!

Доктор Савон (*встает*): Всё. Все, или почти все высказались. Никто никому мстить не будет. Никто – никому. Иначе мы все скоро превратимся в таких же надзирателей. Так уже было. Правда, профессор? Это первое. Второе – что нам дальше делать, коллеги? Просто сидеть? Ждать чего от властей? Что требовать?

Профессор: Так как желающих встать во главе никого нет, я сам беру власть в свои руки. Впрочем, как и ответственность. И готов идти до конца. Наш дорогой Сержант, естественно, отвечает за оборону. Что у нас есть?

Сержант: Ножи кухонные, ножницы, пила, листы железа и...крепкая мебель. В целом, негусто. Но...придумаем. Пока будем укреплять окна и двери.

Профессор: Что с едой? Насколько нам ее хватит? И насколько она безопасна?

Повар (встает): Я простой повар, мне все равно кого кормить. Я вообще никак и ни в чем не участвовал.

Профессор: Да ладно, успокойтесь. Тем более, если вам все равно кого кормить. Сколько мы протянем?

Повар: Рацион и без того скудный, он рассчитан на неделю, два дня прошло, то есть осталось на полных пять дней. И то при некоторой экономии.

Сержант: Да, кстати, во все сосуды наберите воду. Ее наверняка нам скоро отключат. Рецепт один, как всегда.

Профессор: Вы несете полную ответственность за кухню, питаются все строго по времени. Никаких перекусов. Вам, доктор Савон – самое сложное – вести все переговоры с властями. Торговаться и тянуть время. Ни на что не давайте твердых обещаний, не верьте им, но тяните, тяните время. Время! Вот наш козырь. Как говорили древние, всё у нас чужое - лишь время наше.

Доктор Савон: Постараюсь, только не знаю, насколько это зависит от меня. Надо найти связь с городом, с газетами, журналистами.

Профессор: У меня есть кое-какие мысли. Я почти все обдумал. Так, уважаемые господа заложники, у кого есть семьи? Да не бойтесь вы так. Не судите по себе! Я хочу знать, кого сегодня ждут с работы? Так, почти всех ждут дома. *(Грустно)* Это очень хорошо, что вас ждут дома.

Сержант: Двери обвязать намертво, окна запаять. Вода набрана. Да, кстати, а есть ли у нас лекарства?

Студент: Это еще зачем? Я больше пить не хочу и не буду! Опять? Все сменилось вроде бы, (хнычет) а лекарства опять?

Первая медсестра: Ничего. Полиция заставит – все выпьете. С радостью и все хором. Не такие тут обламывалсь. Уж поверьте мне! У нас сектанты отрекались.

Профессор: Так. А Вы, мадам, язык попридержите. Я дал Вам гарантию безопасности, но и Вы не размахивайте красной тряпкой перед нами. Не все обладают моим терпением. Вы, поверьте, тоже.

Первая медсестра: Я хочу посмотреть, как Вы будете размахивать белым флагом. Вот тогда и сочтемся.

Студент (*подскакивает к ней, его спокойно опережает Сержант*): Нет, она нам еще будет жизнь травить?

Вторая медсестра: А вы хотите, чтоб мы были всем чрезвычайно благодарны? Спасибо, что взяли в заложники. Вот бы мучилась сейчас дома, чем себя занять.

Профессор: Всё. Угомонились. Вы обратили внимание, что только работники кухни молчат – они заняты делом. Вот и вы все займитесь делом. Все!!

Повар: У меня проблема: без ножа я и овощи не приготовлю. Хоть маленький верните мне. Они же кухонные.

Профессор: Пожалуйста, Сержант, помогите ему. А вы, барышни, приберитесь в душе. Все должны помыться.

Первая медсестра (*с ужасом*): Зачем?

Доктор Савон: Да просто воду могут отключить, надо, пока все есть, привести себя в порядок, наперед. Да и вообще, хоть как-то вас занять полезным делом.

Профессор: Вы хотите, чтоб в прессе потом писали, что полиция ворвалась, чтоб очистить грязные помещения? Понимаете, симпатии рядовых

горожан всегда на стороне чистых и опрятных. Более приятного для обывателя, чем вид послушных и чистых, нет ничего.

Вторая медсестра: Больно вы организованный для профессора. Как-то с трудом верится в вашу латынь. Не те замашки.

Профессор: Ну, во-первых, не латынь, а древнеперсидский, а во-вторых, было много времени все обдумать, да и учителя – не из последних. Вам спасибо!

Все уходят. Чистят всё вокруг. Остаются Профессор, Доктор Савон, Сержант.

Сержант: Что дальше будем делать? Двое суток продержимся, а потом? Как только исчезнет пища, вслед за ней и воля погаснет. Я это знаю точно. Посмотрите на поэтессу, она уже два часа молча лежит. Ее депрессия всем скоро передастся.

Доктор Савон: Я разговаривал с ней – она в творчестве. Просто так совпало. Не трогайте ее, она всегда так пишет. Для поэтов молчание – это и есть работа. Потом, она уж точно села на антидепрессанты. Не видите по ней?

Профессор: Должны же в городе хватиться работников. Да и другие расскажут, поэтому я хотел, чтоб всё привели в порядок. Я думаю, у нас к вечеру начнутся переговоры. Как вы думаете, если они решатся штурмовать, как поведут себя наши сотоварищи и заложники?

Сержант: Вот это никогда нельзя предсказать. Еще никто не угадывал это. Солдат от страха спасает устав. А здесь? Мы же не профи и не команда даже.

Доктор Савон: Тут повар обмолвился, что в город приезжает Вдова. И это будет завтра. Рискнут ли они на глазах иностранцев, прессы, Вдовы, наконец, предпринять штурм? А как же репутация Мэра? Ведь скоро выборы.

Профессор: Я думаю, что нас просто забудут. Или сделают рядом стройплощадку, которая закроет всем доступ. Или еще что похуже...

Доктор Савон: А куда девать родственников медсестер, уборщицы, повара? Они же будут куда-то заявлять об их исчезновении.

Профессор: Им скажут о изкомандировке или еще что-нибудь придумают. Они обязательно что-то придумают. Уж в этом они мастера. Карантин, например.

Голос с кухни: Ужин готов.

Сержант: Так, ужинаем все вместе. Повар при нас пробует всё. Обязательно перемешиваем тарелки. И так всегда. Кстати, стаканы тоже.

Садятся, все чистые, прибранные. Появилось некоторое спокойствие.

Профессор: Так, где же наш поэт?

Повар: Она боится отравиться - не хочет есть.

Доктор Савон: Этого только не хватало. Питание – это тоже часть нашей борьбы, и мы все будем вместе есть, а если потребуется, то и голодать будем вместе.

Поэт (тихо подходит): И чем же вы от них отличаетесь? Они кормили меня насильно. Вы тоже это попробуете. Я могу подсказать, как это делать и без зонда. Не мучайтесь – приступайте.

Профессор: Да нет, просто нам нужен Ваш голос, Ваш талант. В конце концов, вы все нам нужны. Все до единого.

Первая медсестра: Даже мы (с иронией)?

Профессор: Даже вы. Особенно Вы. Вы же стены прошибаете. И будете это делать при любом режиме. Ладно. Я сказал - все садимся. Так что садимся ужинать все вместе.

Действие 3.

Кабинет мэра. Он, два советника и шеф полиции.

Мэр: Ну как, все готовы к встрече Вдовы? Вы понимаете, что это мой шанс войти в список? Что с клиникой, что с заложниками?

Шеф полиции: Я сказал, мы готовы. Только требуется Ваш приказ, и через два часа давайте интервью телевидению.

Второй советник: Штурма не будет (*с нажимом*). Понимаете, что это означает перед приездом Вдовы? Обязательно будут жертвы – нам это совсем сейчас не подходит. Вот мы с уважаемыми коллегами предлагаем другой вариант. Купить их всех сразу. Поодиночке не получится, только всех сразу.

Мэр: Как это купить? И всех сразу?

Второй советник: Я иду к ним со списком предложений. Профессору - грант с гарантией двухлетней экспедиции по странам Востока.

Мэр: Ладно. Наверное, получится. Подтянем Банкаира.

Второй советник: Сержанту, или кто он у нас, капитану – возврат всех званий, наград и хорошая преподавательская должность в жандармском колледже. Я уже договорился. Ему курсанты будут рады. Для них он легенда.

Первый советник: С кем? С кем договорились? С Сержантом?

Второй советник: Да нет, пока наполовину, только с руководством колледжа. Доктору Савону передается газета «Право и порядок» в полное распоряжение. Или же руководство профсоюзами.

Мэр: Господа, как хорошо инсургентам. С тобой все нянчатся, тебе что-то вечно предлагают. Наверное, и я об этом подумаю. Ведь никакой ответственности. Только критикуй!

Второй советник: Мы пойдем вместе. Студенту... - с ним проще, его восстанавливаем на четвертом курсе. Далее суд восстанавливает в правах студсовет университета.

Мэр: А Вы не боитесь? Вдруг студсовет опять вернется к прошлым делам?

Второй советник: Да нет. Суд-то его восстановит, но будет создан еще ряд новых студсоветов. И кто из них окажется проворнее, решим... мы. И никакой самодеятельности. Уже знаем - плавали.

Шеф полиции: А что с этой...как ее там, поэтессой? И ей какие-то дивиденды? Она ж неуправляемая. Нормального отношения не понимает.

Второй советник: Да все они неуправляемые, пока им не платят. А ее надо переместить в другую палату как серьезно больную, нуждающуюся в изоляции и серьезном лечении. Надо их расколоть: кому-то пряник, а тем, кто не заслужил пряника, тем...

Шеф полиции: Кнут.

Второй советник: Да нет, зачем же кнут? Зачем нам делать из них страдальцев? Просто забвение. Просто взять и забыть. Не было поэта и все. Так что если даете добро, то я уже сейчас пойду на переговоры.

Мэр: Ладно, но только в дозволенных рамках. Народ не позволит мне тратить бюджетные деньги на подкуп бунтарей. И, кстати, как я буду отчитываться? По каким статьям? Опять помощь предпринимателям? Или социальная помощь малоимущим?

Первый советник: Ладно. Не так уж долго ждать. Наш уважаемый советник обо всем договорился, гарантирует результат. Ему и карты в руки, то есть успехов в переговорах.

Второй советник (с издевкой): Спасибо вам всем за полную поддержку. Так я пошел.

Действие 4.

Кухня клиники «Забота». Сидят все вместе.

Сержант: Ну что, все всё получили? Всем пообещали райских кущ? Ваше решение?

Профессор: Вы знаете мое мнение. На чечевичную похлебку я не поведусь. Но запретить это остальным я тоже не могу. Слово за каждым. Это будет вашим решением, ценой вашей позиции.

Доктор Савон: Вы знаете, все это я затеял вместе с вами, отстаивал все это, но возможность встать во главе профсоюза, да еще и специализированный журнал... Простите, но это то, о чем я мечтал всю жизнь. Я так больше пользы принесу. Представляете, во главе Национальной конфедерации профсоюзов я смогу так много сделать. Я заставлю всех считаться с трудящимися, выплачивать все пособия, мы еще будем на равных говорить с правительством.

Поэт: И Вы, взрослый, умный мужчина, во все это верите? Да кто вам даст это право? Вы свободны, пока не стали с ними заодно. *(Пауза)* Я понимаю, меня никто не слышит и уже давно не слушает, но я многое повидала. Именно сейчас, здесь, в этой маленькой «психушке», куда мы попали не по своей воле, мы СВОБОДНЫ. Понимаете? СВОБОДНЫ. Нет быта, нет должностей, нет семьи, нет ничего, кроме СВОБОДЫ. И я это впервые поняла здесь. И менять ничего не хочу.

Доктор Савон: Но это мое право. Я выбираю законный путь. Я этому учился. И это умею..

Сержант: А если Вас обманут? Уедет Вдова, как говорит господин советник, и с Вами никто считаться не будет.

Доктор Савон: А вот это уже мои юридические проблемы. Будет письменный договор, который будет храниться у нотариуса. И, причем, не здесь. В случае моего избрания или увольнения в течение первых двух лет – всё будет обнародовано в печати, желательно за рубежом.

Профессор: Говорила мне мама - не ту профессию ты выбрал...

Сержант: Ладно, кто еще выскажется?

Первая медсестра: А почему это всё обещают только больным?

Сержант: Кому? Повторите, мадам. Кому?

Первая медсестра: Я не так выразилась. Только бунтарям. А что делать тем, кто просто изо дня в день работает и работает добросовестно? Вот моя напарница нашла себе здесь жениха (*вторая медсестра обнимается со студентом*). Всем какие-то заманчивые предложения. А я что? Чем я хуже?

Профессор: А Вы ничего. Просто продолжайте выполнять работу, а потом, как всегда, все свалите на начальство. Это очень удобно. Не думать. Просто выполнять. Мне кажется, если вам приказать пытаться, вы и это будете делать также добросовестно. А потом скажете: «У меня семья, всех кормить надо». Не так ли?

Первая медсестра: Да, зря я жалела Вас. Думала, раз профессор, значит, порядочный человек. А Вы – вот как заговорили. Хуже этих. Уж и боюсь назвать.

Сержант: Так. Стоп. Вы – заложница и только. И прав на весь этот торг у вас нет. Не было и нет.

Доктор Савон: Да мы отпустим всех, не беспокойтесь. Вы уйдете вместе со мной.

Сержант: Это Вы так решили? Может, мы вместе решим?

Профессор: Я думаю, доктор Савон прав. Уйдут все, кто не хочет оставаться. Никаких проблем.

Студент: Тогда и я уйду.

Вторая медсестра: Мы решили вместе уйти. И вообще, у нас свои планы. Только сейчас они появились. И что? На баррикады?

Первая медсестра: Совет вам да любовь.

Профессор: Да, студент прав. Надо ему учиться, да и жизнь устраивать. А кто с нами остаётся?

Студент: Нет, это не значит, что мы вас навсегда покидаем. Я соберу всех студентов в вашу защиту. Мы доберемся до сотрудников Вдовы. Вы что, нам не верите?

Профессор: Да верим-верим. Я всю жизнь только и делаю, что всем верю. Вот и оказался здесь, потому что верил. Да ладно, что-то расслабился. Итак, уходит доктор Савон.

Доктор Савон: Да!

Профессор: Студент?

Студент: Да!

Профессор: Медсестры?

Первая и вторая медсестры: Конечно, да!

Профессор: Повар?

Повар: Да!

Профессор: Короче, я и Сержант.

Поэт: Да нет, вы ошиблись. Я остаюсь.

Профессор: Спасибо Вам, но Вы нужны нам там. Надо, чтоб услышали Ваш голос. Ваши стихи. Вот об этом я хочу Вас попросить.

Уборщица: И я остаюсь, кто же будет вам готовить? А убирать? Вы представляете, что здесь будет через несколько дней? Нет, я должна каждый день убирать, протирать всё, дезинфицировать всё. Меня ваши дела не интересуют, а вот убирать надо при любом режиме – это я поняла давно.

Сержант: Я вмешаюсь? Мы отпускаем всех? А что взамен? Так мы остаемся вдвоем, завтра же будет штурм или газовая атака. И что, все насмарку?

Профессор: А что же делать? Уподобляться террористам и держать всех в заложниках?

Сержант: Да. Если надо, и будем держать. Сами говорили - нам нужно время.

Доктор Савон: И чем мы от них будем отличаться?

Сержант: Мы? Кто это мы? Те, кто уходит, или те, кого покидают? О господи, знал ведь с кем связываюсь. Интеллигенты. Черт бы вас побрал. Вечно в белых перчатках стоите на пути. Хотя по-другому - еще хуже! Пробовал. (*Громко кричит*) Так, экстренное совещание. Все заложники в подсобку. Начинаем. Всё опять. С нуля!

Все уходят.

Студент: А я?

Профессор: Извини, но человек, разделяющий постельное ложе, не может не разделять политических взглядов. Извини, что так высокопарно, но я боюсь, что ты уже не боец. И главное - не друг.

Доктор Савон: Да пусть остаётся, он же с нами сначала. И семья еще никому не мешала.

Сержант: Я же с вами, но нам нужна огласка, международное признание нашего дела, тут без студентов не обойтись.

Профессор: Да, кстати, в Национальном университете много иностранцев. Так что выгоднее тебе с ними поработать. Так, Вы, доктор Савон, как, сможете собрать пресс-конференцию?

Доктор Савон: Да вряд ли, меня еще не назначат так скоро. Надо всем продержаться пять – шесть дней.

Профессор: Хорошо советовать. А как бы пустить к микрофону поэта? Ведь ее любят, у нее устойчивая репутация. Пожалуйста, доктор, пока не светясь, попробуйте вытащить ее в эфир. Любой ценой.

Сержант: Послушайте меня – бывалого. Сколько раз я освобождал заложников. Надо торговаться. Мы освобождаем всех - не они уходят, а мы освобождаем. Далее, на время пребывания Вдовы мы молчим, но в качестве гарантии к нам идут добровольно два человека с той стороны. По-моему,

вполне логично. Два известных нам и общественности человека гарантируют безопасность, а после отъезда Вдовы полноценные переговоры.

Доктор Савон: Все равно все завершается переговорами. Правда иногда под дулом.

Профессор: А там, глядишь, вас выберут руководителем национального профсоюза, студенты разнесут весть. Что-то да и выиграем. Или не выиграем. Так и проходит жизнь.

Сержант: Итак. Телефон для связи с мэром или его советником. Два авторитетных гаранта. Полноправные переговоры через три дня. Всё учли? Все согласны?

Профессор: Тогда, доктор, Вы у нас специалист по переговорам. Пожалуйста, с ними всё переговорите.

Доктор Савон: А вы?

Сержант: Давайте поиграем. Плохой сержант и хороший, гуманный доктор права. Вроде бы логично и всем понятно.

Профессор: Позовите всех. Так, друзья, я жалею, что всем доставили много тревог и волнений. Видит Бог, мы не по своей воле сюда попали. Но выход был один, и мы решили его использовать. Итак, съемки закончены, все свободны. Мы с Сержантом остаемся. Если можете, простите нас, если нет, то господь всем судья.

Первая медсестра: Я не прощаюсь с вами. Я надеюсь увидеть вас в своих палатах. До встречи.

Сержант: А я знаю, что в любом случае над больными издеваться по-прежнему не будут. Использовать их для фармакологических целей тоже. А о Вас со временем будут писать как о помощнике доктора Менгеле.

Первая медсестра: Посмотрим. Но боюсь, что вы до этого, к сожалению, не доживете. Жаль. Очень жаль. А такие милые, могли б еще многих осчастливить своим вниманием.

Прощаются повар, доктор Савон. Уходят студент, поэт, медсестры, уборщица уходит, что-то протирая.

Действие 5.

Клиника «Забота». За столом сидят Сержант, Профессор, второй советник, доктор Рорти.

Второй советник: Ну что, добились своего? Вдова не приехала, отменила свой визит, город лишился дивидендов. Мэр взбешен. Таким я его еще не видел.

Профессор: И виноваты в этом только мы. Слушайте, как закрывать нас, так мы больные, ничего не понимаем, недееспособные. А как у вас неудача, так мы коварные и хитроумные. Не стыкуется как-то.

Сержант: Так, Вы как-то определитесь. Доктор Рорти, а Вы что молчите?

Доктор Рорти: Я просто подавлен всем, рушится все дело моей жизни.

Профессор: Горе-то какое! Клинику передают Управлению Внутреннего Порядка. А до этого? Это что было – Ницца? А может, Монте-Карло? Для нас это что, было курортом?

Доктор Рорти: То, что было до этого, вы будете вспоминать как... как хоть какую-то свободу.

Сержант: Вы знаете, нельзя быть чуть-чуть свободным.

Доктор Рорти: Да, я все знаю. Но я вел клинику к постепенному смягчению режима. А Вы своей торопливостью. Как всегда!

Профессор: И для этого решили заварить окна? Чудненко – у вас очень славные представления о свободе. Скажите, а вы не зачитывались Руссо, Локком, Чеховым, Швейцером? А то вдруг как-то нахлынуло... Гуманизмом в духе Пиночета увлекаетесь?

Доктор Рорти: Да не ерничайте. Но сдвинуть всех с места разом не получается. А так, я убрал целый ряд препаратов, разрешил чтение, больше свиданий. И это все шло на пользу.

Сержант: Особенно мне. Спасибо Вам. Разрешили читать

Доктор Рорти: Да. Ведь режимы гibli, когда осужденным давали книги и время для их освоения. А то, что вы все заявили о своих правах, – это моя победа. Маленькая, но победа. Ведь разум гаснет в тишине, а вы вдруг все заговорили, что-то решили. Но уже хватит. Дальше все пойдет во вред.

Второй советник: Вы знаете, ведь есть и другая сторона, которая требует штурма. И настойчиво. Они хотят демонстрации своих сил. А вы нас упрекаете. Мы всё понимаем, может, даже более, чем вы, но надо знать специфику власти. Ну что бороться со стеной? Вы дайте мэру сохранить свое реноме, он накажет кого-то, он же не знал о здешних порядках. Переподчинит клинику другому ведомству. А вы выбирайте страну для эмиграции, но, разумеется, при условии...

Сержант: Молчания? Я правильно угадал?

Второй советник: Ну, в общем-то, да. Тем более Вам, Сержант. Вы знаете, что есть целый ряд стран, где Ваши военные заслуги трактуются иначе, чем Вы себе их представляете.

Сержант: Со своими грехами, пожалуй, я сам как-нибудь разберусь, без Вас. Тоже мне, Святоша выискался.

Доктор Рорти: Вы знаете, что ваша поэтесса опять выступила? А ведь мы ей поверили. И главное, за день до приезда Вдовы. Разумеется, та и развернулась, перенесла свой визит. Понимаете, что это значит?

Профессор: Горе-то какое! Перенесла визит Вдова! Небо обвалилось что ли? Ладно, давайте успокоимся и спокойно все обговорим.

Сержант: Я ж понимаю, что Вы не только заложники, но и парламентареры. А с парламентарерами вначале надо ...попить кофе. Тем более, что вы нам его и принесли.

Все заваривают себе кофе и молчат.

Профессор: А кстати, как там наш Студент? Не забыл ли он про нас?

Второй советник: К сожалению, не забыл. Приковал себя к памятнику Отцу Нации, два часа снимали его, а какая-то женщина рядом раздавала всем стихи поэта. Кстати, вы не знаете, кто она? Ее даже шеф полиции не идентифицировал. Говорит, что в картотеках ее нет.

Доктор Рорти: Профессор, вы как Анти-Крез, всюду, чего Вы не коснетесь – проблемы. Что ж вам в университете, да еще и в головном Национальном, спокойно не работалось? Занимались бы своей лекторской деятельностью, наверняка вас любили студенты, гарантированный спокойный заработок, что еще надо? Вы же вдовец? Много ли Вам одному надо? Премии, поездки и признание. А вы? С кем связались?

Профессор: Что, опять? Опять, как и два года назад все подробно объяснять? Доктор, хватит, мне скоро шестьдесят. И я не хочу объяснять кому-либо свои поступки. Ни полиции, ни, простите, врагам. Потому что это мои поступки и мои решения. Мои. Понятно?

Второй советник (попивая кофе): Ладно, хватит вам. А Вы, доктор, еще добавьте, что у профессора в университете последняя возможность иметь полноценный флирт после шестидесяти лет. Так что, уважаемый профессор, плюсов там, в нормальной жизни, гораздо больше. Стоило ли всё этого?

Сержант: В нормальной жизни? А вы что, нам оставили выбор? Выбор в свободе выражения радости от очередности клевания? Кто сверху сидит, тот первым ест, да и не только ест. Это и есть наш выбор?

Второй советник (*устало*): А чего вы добиваетесь? Чего? Штурма, введения чрезвычайного положения, всеобщего осуждения – к этому вы стремитесь? Вы знаете, только разрешим Шефу полиции, как уже завтра медсестры и персонал будут давать интервью о ваших зверствах. И...

Профессор: Что и? Народ потребует штурма? Давайте, пробуйте! Будут жертвы, и не только с нашей стороны. И тогда Вам не только Вдовы, но и (*насмешливо*) Тещи не увидеть. Причем, надолго.

Доктор Рорти: Давайте остановимся на этом. А то и так, друг другу кучу всего наговорили. Итак, подытожим! Огласки избежать не удалось. Ваш Поэт и студент бесконечно дают интервью. Своего вы добились?

Профессор: А как доктор Савон?

Доктор Рорти: Ну, что он? Он честно (как и всякий юрист) соблюдает правила игры. Его рекомендовали на главу Национальных профсоюзов, и ему там, поверьте, есть чем заняться. Работы по горло.

Второй советник: Да уж, там есть чем заняться!

Доктор Рорти: Итак, на наши благосклонные предложения вы отвечаете отказом.

Профессор: Доктор, как быстро Вы освоили их язык: «наши предложения»... Так, ладно, что еще нам готовят у вас?

Доктор Рорти: Отсюда следует, что будет штурм со всеми последствиями. И отвечать за это будете Вы, профессор.

Сержант: Я остаюсь. А Вы, профессор?

Профессор: Разумеется. Я верен себе и слову.

Второй советник: А мы как? Мы ж парламентареры всего лишь. Что с нами будет во время штурма?

Сержант: А разве вы не знаете, что в первую очередь достается тем, кто разнимал? Да, ладно, штурма не будет, не те времена, проехали.

Профессор: Боюсь, что для штурмов всегда есть времена.

Сержант: А вы думайте: кто остаётся с нами, а кто расскажет там о нашей позиции?

Действие 6.

Пресс-конференция Мэра. Рядом с ним Второй советник, доктор Савон, Вдова.

Мэр: Уважаемые сограждане! В последнее время, к сожалению, город бурлит, студенты и молодежь вышли на улицы. Были со стороны некоторых предприняты попытки захватить ряд зданий. Пришлось прибегнуть к помощи Национальной Гвардии. Но из этого нам всем надо извлечь соответствующие уроки. И они будут горькими. Я был введен в заблуждение, не знал обо всем; надо, в первую очередь, самому во все вникать, отныне будет именно так.

Вопрос из зала: А кто именно вводил Вас в заблуждение?

Мэр: Для того, я продолжаю, чтоб подобное не повторялось, я уволил ряд лиц, среди них первый советник и шеф полиции.

Вопрос из зала: А как же доктор Рорти?

Мэр: Он сам захотел перейти на преподавательскую работу в Национальный университет. Вот его заявление. Мы пошли ему на встречу. Шеф полиции лишен всех воинских званий и регалий.

Вопрос из зала: Кто же ваши новые советники? Опять те же остались?

Мэр: Мы решили сохранить преемственность. Второй советник становится Первым, а на его место я решил, посоветовавшись, так сказать, с общественностью города, назначить доктора Савона. Он известный юрист, хорошо зарекомендовал себя во время известных событий, сдерживал ситуацию, как мог. Вы знаете, Национальный профсоюз и на этот раз не поддержал молодежь и студентов, проявив трезвость и благоразумие.

Вопрос из зала: А что же будет с «Заботой»?

Мэр: «Забота» теперь будет под нашим неусыпным вниманием. Создаем Попечительский Совет, туда любезно согласилась войти всеми уважаемая Вдова. Далее, мы набираем новую команду вплоть до технического персонала. Теперь эта клиника будет гордостью города. Да, кстати, были разные слухи о двух пациентах. Как их?

Доктор Савон: Профессор и Сержант.

Мэр: Так вот. Профессор приглашен для чтения лекций в один из престижных университетов Европы, даже не знаю какой. Я в это не вмешиваюсь. А Сержант сам выразил желание поехать подлечиться в санаторий для ветеранов. Я думаю, он это заслужил. И Фонд Вдовы полностью, я повторяю, полностью все оплачивает. Вот и все. Теперь наши встречи с вами будут регулярными, у меня новая интересная команда, и нам будет о чем поговорить. Благодарю за внимание.

Пресса уходит. Остаются члены команды мэра и Вдова.

Вдова (встает): Так, на первый раз я Вас всех прощаю. Еще что-то подобное – пойдете вслед за Шефом полиции. Держите ситуацию под контролем, развлеките и побалуйте народ, привезите кого-то из национальных звезд. О печальных событиях должны забыть все. Через год память о Сержанте и Профессоре сотрётся и мы всё вернем, но в бархатных перчатках. Я очень надеюсь на доктора Савона. Вы человек популярный, интеллигентный, ведите свои передачи на телевидении, встречайтесь с народом. Вы знаете, женщинам Вы нравитесь, а у нас скоро выборы.

Мэр: Я надеюсь на Вашу поддержку, госпожа Вдова, иначе, Вы знаете, мне должность-то и не нужна.

Вдова: Вы обязательно пойдёте на выборы и должны победить, хотя бы из благодарности к нам. А кто еще пойдет? Есть ли еще желающие?

Второй советник: Пришло сообщение: профессор дает в аэропорту пресс-конференцию и заявил, что пойдет кандидатом на выборы мэра.

Вдова: Ну что ж. Видно, нас не все поняли.

Доктор Савон: А нам и не надо.

Второй советник: Мы ещё посмотрим кто кого: Профессор-одиночка или Команда профессионалов.

Вдова: Ладно, мы ещё споем... Кстати, шефа полиции как-то надо пристроить на работу и экс-советника тоже. Кажется, весьма скоро вновь настанет их время.